

МЫ ЖИЛИ ПО СОСЕДСТВУ

В середине XV века русские крестьяне поселились на Терском берегу. Столетие спустя в Лапландии возникли Кола и Печенга. С этого времени русские и лопари — народы-соседи — находились в постоянном общении друг с другом. Основу их отношений составляла взаимная выгода.

Лопари с их примитивным хозяйством нуждались в топорах, котлах, ножах, рыболовных крючках, долотах и других инструментах. Им требовались пряжа для изготовления сетей, холсты и сукна на шитье одежды, ружья, порох и капканы для охоты.

Русские торговцы доставляли товары лопарям и в промысловые становища, и в зимние погосты. Хозяйство соседей перестало быть натуральным, требуя постоянного товарообмена.

Русские поморы и коляне брали в аренду у лопарей — исконных владельцев промысловых угодий — рыбные ловли и сенокосы, приобретали ценные меха, семгу, оленин кожи, которые с выгодой для себя перепродавали иноземным и российским купцам.

Исследователь истории и быта лопарей этнограф Н. Харузин не вникал в первооснову их экономических связей с русским населением. В отношениях русских торговцев и простодушных лопарей он видел лишь сплошной обман и бесстыдную "эксплоатацию" несмышленных и доверчивых "детей тундры", так как русские продавали в два, а иногда и в три раза свои товары выше их архангельской цены. Так, самовар стоил 6 рублей, а лопарю продавали его за 10 — в долг, до будущего улова. Харузин страстно обличал "бессовестных русских кулаков", которые спаивали лопарей и "выторговывали у них лучшие меха по баснословным (низким) ценам".

Здесь многое верно. Но верно и то, что торговля немислима без прибыли. Каждый коммерсант стремится продавать подороже, купить подешевле.

Бытописатели Севера отмечали постоянную долговую зависимость лопарей от скупщиков продукции. М. Рейнеке писал: русские богачи, давая бедным лопарям вперед "хлеб и прочие потребности, держат их в беспрестанном у себя долгу, через что сии последние не могут ни продать промыслов (продукции) никому другому, кроме своих заимодавцев, которых называют хозяевами".

Харузин видел в этом огромное зло. "Почти вся Лапландия, — указывал он, — ...поделена между богатыми колянами; одни погосты тянут к одному "хозяину", другие к другому... И этот порядок вещей продолжается уже более столетия, вредно отражаясь на благосостоянии эксплуатируемого племени, разрушая окончательно их последний достаток".

В действительности дело обстояло иначе. Лопари предпочитали иметь своего постоянного скупщика. Заезжий торговец мог заплатить за меха и семгу намного дороже местного кулака, но на этом их отношения и заканчивались. Другое дело — "хозяин". Желая сохранить выгодного поставщика рыбы и пушнины, он никогда не отказывал "своему" лопарю дать в долг то, что ему нужно, нередко платил за него подать, давал постой на время пребывания в селении. Русский "хозяин" был не только торговым партнером лопаря, но и его покровителем, нередко выручавшим из бедственного положения — спасал от голода и нехватки нужнейших вещей.

Удивительно, но Харузин,

объявляя русских торговцев "бессовестными эксплуататорами", сам же опровергает свое мнение. "Было бы ошибкой думать, — пишет он, — что коляне благоденствуют на счет лопарей... Они сами сводят подчас еле-еле концы с концами... При провозе масса товаров у них портится, соль и сахар подмачиваются... Хозяева находятся в не меньшей мере в руках лопарей, так как, отдавая им все в долг, они не гарантированы от злоупотреблений доверием "хозяев", и, если бы лопарь почему-либо не захотел заплатить, то взять с него "хозяину" нечего; случаи же такие бывали..."

Лопаря, приехавшего к "хозяину", принимали радушно, его сажали в доме на почетное место, обильно угощали, оказывали знаки внимания. Норвежцы и шведы, отмечает Харузин, "считая себя выше лопарей, ...высказывают им полное пренебрежение... Русские, действительно, иначе относятся к лопарям: они нисколько не брезгуют лопарем, вместе с ним едят и пьют, дружатся с ним, даже заключают с лопарем побратимство, крестят у него детей..."

А вот зарисовка приема русского гостя в лопарском погосте, сделанная Н. Озерецковским: "Когда же к лопарю... приедет знакомый из колян, то женщины и мужчины тотчас складывают на своем языке песню, в которой гостя много раз называют по имени, описывают его рост, вид и убор с головы до ног и поют из всей силы... притопывая ногами" — приветствуют и величают в радостном возбуждении. "Эксплоататоров" так, конечно, не встречают.

Со времен принятия православия у лопарей существовал обычай побратимства с русскими людьми. "Миролюбивым характером, — отмечал бытописатель С. Максимов, — дышат все отношения лопарей к русским... Патриархально-гостеприимный в своей веже, лопарь в сношениях своих с русскими любит заводить тесную дружбу, род братства, одним словом, любит блюсти вековой обычай крестования. Угодит в чем-нибудь, понравится чем-нибудь, угостит хорошо или даст выгодную плату за промысел давний лопарский знакомец-помор — лопарь не замедлит предложить покрестоваться, то есть обменяться крестами, сделаться крестными братьями. Лопарь по свершении обряда обмена крестов дарит "крестовому" все, что есть у него лучшего: лучший оленин мех, лучшую звериную шкуру — бобровую или черно-бурой лисицы. Крестовый русский должен, в свою очередь, отдарить, чем может, своего крестового брата — лопаря".

Смешанные браки на Кольском Севере были обычным явлением. "Русские женщины победнее, — сообщает Василий Немирович-Данченко, — с удовольствием идут замуж за богатого лопаря. Он в таком случае остается жить в селе, а не уходит в свои горы". Знаток лопарского быта В. Алымов писал: "Лопки — хорошие хозяйки и привычны без мужа вести хозяйство, что для рыбака или зверобоя, надолго отправляющегося на промысел, очень ценно". Поэтому поморы нередко женились на лопарках.

Среди русского населения встречались люди, носившие фамилии Лопинцевых, Лопских, Лопаревых, а среди лопарей — фамилию Русиновых.

Дружба с русским населением, несомненно, положительно сказалась на развитии лопарской народности.

И. УШАКОВ.

Краевед.